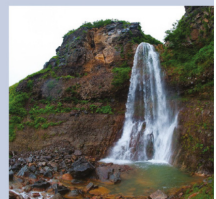
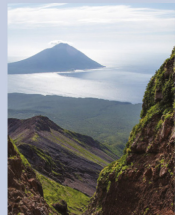
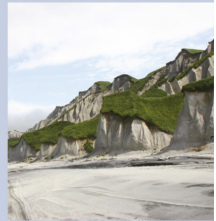

Сергей Гурин

Остановка «Цунами»

Сергей Гурин

Остановка «Цунами»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64093282
Остановка «Цунами»: Перо; Москва; 2019
ISBN 978-5-00150-677-5

Аннотация

Мое детство прошло на самом крупном острове Курильской гряды, куда сразу после войны переехали мои родители.

Всегда хотел найти художественное произведение о жизни первых переселенцев, об их нравах, об отношениях с ранее проживающим на этих территориях японским населением, о становлении гражданского общества на островах. Но нашел только несколько жалких пародий на убогий быт островитян, погрязших в пьянстве и безделье, да парочку произведений военного периода.

Разбирая свои дневники, подумал: а почему бы самому не ознакомить своих детей и внуков, как и чем жили их предки. Пусть узнают о тех временах не из телевизионных сериалов, не от расплодившихся сегодня горе-историков, а, как говорится, «из первых уст». Конечно, на примере одной семьи трудно создать полную картину, к тому же многие детали и события не сохранились в памяти.

В повести «Остановка «Цунами» я попытался предельно честно сохранить дух и настроение, царившие в обществе того времени. Рассказы в большей части автобиографические, написанные в разные периоды жизни страны, порой просто пересказ услышанных от родственников историй.

Один близкий мне человек как-то сказал: «Если не можешь не писать – пиши, но будь добр, уважай тех, кто будет читать. Мало хорошо знать то, о чем пишешь, надо еще вызвать интерес у читателя, чтобы он узнал что-то новое, вызвать у него какие-то ассоциации, может, даже воспоминания из его жизни, попробовать заставить его порассуждать, поставить себя на место героев».

Я пытаюсь следовать этим правилам, что из этого получается – судить вам.

Содержание

Остановка «Цунами»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Сергей Гурин

Остановка «Цунами»

© Гурин С., 2019

* * *

Мое детство прошло на самом крупном острове Курильской гряды, куда сразу после войны переехали мои родители.

Всегда хотел найти художественное произведение о жизни первых переселенцев, об их нравах, об отношениях с ранее проживающим на этих территориях японским населением, о становлении гражданского общества на островах. Но нашел только несколько жалких пародий на убогий быт островитян, погрязших в пьянстве и безделье, да парочку произведений военного периода.

Разбирая свои дневники, подумал: а почему бы самому не ознакомить своих детей и внуков, как и чем жили их предки. Пусть узнают о тех временах не из телевизионных сериалов, не от расплывшихся сегодня горе-историков, а, как говорится, «из первых уст». Конечно, на примере одной семьи трудно создать полную картину, к тому же многие детали и события не сохранились в памяти.

В повести «Остановка «Цунами» я попытался предельно честно сохранить дух и настроение, царившие в обществе того времени. Рассказы в большей части автобиографические, написанные в разные периоды жизни страны, порой просто пересказ услышанных от родственников историй.

Один близкий мне человек как-то сказал: «Если не можешь не писать – пиши, но будь добр, уважай тех, кто будет читать. Мало хорошо знать то, о чем пишешь, надо еще вызвать интерес у читателя, чтобы он узнал что-то новое, вызвать у него какие-то ассоциации, может, даже воспоминания из его жизни, попробовать заставить его по-

рассуждать, поставить себя на место героев».

Я пытаюсь следовать этим правилам, что из этого получается – судить вам.

С уважением Сурица

Остановка «Цунами»

*Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевой одаян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежных весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.*

М.В. Ломоносов

Теплоход «Ольга Андровская» отошел от причала поздно вечером, когда в портовом сахалинском городке уже начали вспыхивать редкие огоньки, отражаясь в потемневшей от вечерних сумерек воде, они мелкими брызгами разлетались от борта набирающего ход судна. В корабельных динамиках гремела мелодия марша штаб-трубача Агапкина «Прощание славянки».

Всюду царил суета, хорошо знакомая часто путешествующему морским транспортом человеку. Пассажиры занимали, согласно приобретенным билетам, каюты, протискиваясь с багажом по узким переходам корабля, расспрашивали стюардов о режиме работы ресторана и кинотеатра, о времени

пути до пункта назначения и о многом другом, что они могли бы узнать без лишней спешки несколько позже. С капитанского мостика по громкоговорителю раздавались указания палубной команде, сопровождающему теплоход буксировщику, с которого вскоре прозвучало традиционное пожелание «семи футов под килем». Раздался прощальный гудок, и пассажирское судно взяло курс в открытое море.

Начальство расщедрилось для нового прокурора района на каюту-люкс рядом с рестораном и баром для пассажиров. В каюте, кроме двух спальных мест, имелся письменный стол, на котором расположились телефон внутренней связи и настольная лампа, небольшой холодильник и два мягких кресла рядом с журнальным столиком, а также, за прозрачной перегородкой, туалетная комната. Гордеев поставил у одной из кроватей чемодан и спортивную сумку, в которых было все его имущество, оставшееся после развода с женой, и поспешил на палубу. Временное жилье ему понравилось, особенно он был рад отсутствием второго пассажира, поскольку сейчас, как никогда, хотелось побыть одному, осмыслить события последних дней, поразмышлять о первых шагах на новой работе. Обязанности прокурора Гордееву были хорошо знакомы, пять лет на этой должности в одном из районов Сахалинской области не прошли даром. Но район, в который он получил назначение, имел свои особенности. Во-первых, отсутствие квалифицированных кадров, во-вторых, транспортная оторванность от об-

ластного центра, в-третьих, специфичность контингента населения. Большинство работников нанималось на период пугины, времени, когда лососевые породы рыб шли на нерест в многочисленные реки и ручьи острова. Народ ехал на заработки со всего Союза и не всегда лучшие его представители. Кроме того, у бывшего прокурора не сложились отношения с местной администрацией, и он пустил на самотек профилактическую работу с населением. «Видимо, с этого и придется начать», – подумал Гордеев, еще с комсомола общение с людьми никогда не было ему в тягость.

Теплоход все дальше удалялся от берега, на котором одинокие огни быстро множились, превращаясь в большой праздничный фейерверк. Зажглись прожектора на портовых кранах, замерцали уличные фонари, суетливо замигал многочисленными фарами городской транспорт. Городок начал свою ночную жизнь. С ним у Стаса были связаны только приятные воспоминания. Проводы дочери в первый класс, рождение младшего сына, походы в лес за грибами и ягодами, праздничные застолья семьями с друзьями. Здесь начи-

нался его карьерный рост как юриста.

«Прекрати пускать слюни, – отгоняя мысли, прикрикнул на себя Гордеев, – это все в прошлом, у тебя начинается новая жизнь: новая работа, новая семья. Ведь тебе нет еще и сорока, думай о будущем». На палубе заметно посвежело, начал накрапывать мелкий дождик. Еще раз бросив взгляд в сторону скрывшегося за ночной мглой берега, он отправился укладываться на ночлег.

Подходя к своей каюте, Стас услышал в баре громкие крики и нецензурную брань. Заглянув в опустевший бар, он увидел трех изрядно подвыпивших парней, самый рослый из которых пытался через барную стойку дотянуться до испуганного бармена.

– Ты что б... такая, нерусский, че ли? Давай водки, мать твою, видишь, душа горит, праздника просит.

– Ребята! Бар уже закрыт, буфет опечатан, а мне еще убрать помещение надо, – жалобно умолял бармен, – да и хватит вам уже.

– Кому хватит? Мне? Ах ты, тля!

В версии Гордеев узнал «крестника» по делу о разбойном нападении, обвинение по которому он поддерживал несколько лет назад.

– Савельев! Ты когда освободился? Что опять бузишь?

Парень перевел затуманенный алкоголем взгляд на стоявшего перед ним коренастого мужчину в элегантном костюме, так некстати вмешавшегося в их «милый» разговор с барме-

НОМ.

– Че надо? Не получал давно? Так это сейчас сделаем.

Вдруг взгляд дебошира начал проясняться и, кажется, приобретать какую-то осмысленность, рот растянулся в пьяной улыбке.

– Гражданин начальник! Какая встреча! – и если бы Стас вовремя не отстранил руки выпивохи, дело могло дойти до пьяных объятий.

– Ша, друганы! – обратился верзила к своим попутчикам, с удивлением взирающим на резкую перемену настроения своего дружка, – это мой хороший знакомый. Вот такой мужик! – и сунул в сторону бармена сжатый кулак с поднятым вверх большим пальцем, видимо, для того, чтобы тот понял, какой замечательный перед ним незнакомец.

– Все тип-топ, мужики, разрешите откланяться, – при этом парень вытянулся в полный рост, дернул подбородком вниз и попытался сомкнуть ноги в стоптанных ботинках вместе – жест, подсмотренный им, видимо, в одном из кинофильмов о гусарах, но изрядное количество выпитого алкоголя потянуло в сторону, да так, что ему пришлось опереться на своих собутыльников. Затем троица, пошатываясь, двинулась к выходу.

– Спасибо, – проямлил бармен, обращаясь к Гордееву, – может, вы что-то хотите? Давайте я сделаю кофе.

– Извини, но я кофе на ночь не пью, а ты закрывай свое заведение, пока еще кто-нибудь не пришел. Спокойной ночи!

– Вам тоже хорошего сна, – настроение у юноши явно улучшилось, глаза повеселели, – еще раз большое спасибо, я просто не знал, что с ними мне делать. Меня Виктор зовут, обращайтесь, если что понадобится.

Виктор проводил своего заступника до двери и закрыл ее на ключ.

Утром Станислава разбудил динамик внутренней судовой связи, команда готовилась к прибытию в порт назначения. Сделав, чтобы окончательно разогнать сон, несколько гимнастических упражнений, приняв душ и наскоро позавтракав, он вышел на палубу. В утренней дымке на горизонте проступали очертания Итурупа, самого крупного острова Курильской гряды. До прихода русских и японцев острова были населены айнами. На их языке «куру» означало «человек, пришедший ниоткуда», откуда и пошло их второе название «курильцы», а затем и наименование архипелага.

Цепь островов между полуостровом Камчатка и островом Хоккайдо чуть выпуклой дугой протяженностью более тысячи километров отделяет Охотское море от Тихого океана. Здесь прошло послевоенное детство и часть юности Гордеева. Картина приближающегося берега вызвала яркие воспоминания более чем тридцатилетней давности.

* * *

Лето 46-го года, пароход «Уэлен» с переселенцами болтался на рейде залива Рубецу всю ночь. Подошли к Итурупу поздно вечером, и капитану передали с берега, что разгрузка начнется не раньше девяти часов утра. Большинство пассажиров в эту ночь не спали. Кто-то собирал и увязывал в большие узлы свой небогатый скарб, другие слонялись по палубе и вглядывались в чуть заметные огни на берегу. Ге-

оргий с женой Натальей, облокотившись на фальшборт, пытались представить, какой для них станет эта земля на ближайшие пять лет. К матери прижимался семилетний сынишка Стасик.

Гордеев демобилизовался в конце 45-го, их с братом Анатолием после окончания войны еще некоторое время командование не отпускало на гражданку. Узел связи при штабе Тихоокеанского флота и после окончания боевых действий нуждался в опытных радистах. В Управлении «Дальрыба», куда они пришли после армии устраиваться на работу, готовы были с радостью взять таких классных спецов, но... без предоставления жилья. Мать у братьев умерла в 43-м, а идти в примаки к теще, Наташкиной матери, Георгий наотрез отказался, тем более что с матерью в небольшом доме проживал еще и младший брат с женой, пришедший с войны инвалидом. Васька Цибин получил тяжелое ранение в живот под Сталинградом и в сопровождении медсестры был отправлен домой к матери в город Ворошилов. Дуся оказалась землячкой, ее родственники, как и дед Цибиных, были переселенцами на Дальний Восток с Украины. Какое-то время она выхаживала раненого по долгу службы, а потом и прижилась. С невесткой у Натальи отношения с первых дней не сложились. Может быть, причиной этому была сестринская ревность, а может, взбалмошный характер Дуси, которая за время пребывания в семье сумела перессориться не только с золовкой, но и со всеми соседями. И как ни жалко было

мать, крепко привязавшуюся к внуку, Наташа долго не раздумывала, когда муж предложил переехать во Владивосток. Новый 1946 год они встречали уже на съемной квартире, на улице 25 Октября, бывшей Алеутской. Хозяйкой квартиры была хрупкая, миловидная женщина, похоронившая в 44-м своего мужа. У Ванюши, так она его в разговоре называла, не выдержало сердце, когда они получили с фронта вторую «похоронку», уже на младшего сына. Вера Ивановна приняла жильцов как родных, взяла на себя хлопоты по кухне, баловала маленького Стасика нехитрыми сладостями, и называла его не иначе как «наш внучок». Иван Иванович при жизни занимал важный государственный пост, и вдову изредка навещали бывшие сослуживцы, приходили непременно с подарками, в основном это были продукты, которые в простых магазинах приобрести было нельзя. Посещение одного гостя стало судьбоносным для семьи Гордеевых. Слатов Петр Тимофеевич считал себя учеником Ивана Ивановича, ему он был обязан своим продвижением по службе и относился с особой нежностью к Вере Ивановне. Как-то раз за чаем разговор зашел о службе в армии.

– Ты, Георгий, где воевал?

– Да мы с братом всю войну при штабе флота в узле связи прослужили. Три раза рапорта подавали, чтобы нас на Западный фронт оправили, даже Верховному писали, после чего я чуть «на губу» не загремел.

– Специалисты и здесь были нужны.

– Вот так полковник Осин мне и сказал.

– Судя по медалям, ты не на плохом счету у командиров

был, – Слатов задумчиво посмотрел на китель бывшего краснофлотца, где вверху слева были пришиты наградные планки, – а до армии что делал?

– Тоже радиооператором работал. Мы с Толькой, как курсы ОСОАВИАХИМа в 30-м закончили, так до сих пор с радиосвязью и связаны, – Гордеев улыбнулся своему каламбуру, ему нравилось общение с этим, еще не старым, собеседником.

– Сначала контора связи на Камчатке, потом до самой мобилизации ходил на краболове «Всеволод Сибирцев» радистом.

После этих слов гость оживился.

– Так ты у Сковпена работал?

– Да, у Дмитрия Николаевича. А вы, Петр Тимофеевич, тоже его знаете?

– Каждый раз удивляюсь, насколько тесен наш мир. Я ведь, Жора, на «Всеволоде Сибирцеве» почти всю войну прошел. В каких переделках только наш краболов не побывал, мы даже десант на Сахалин в Маока высаживали, – было видно, как приятны для Слатова эти воспоминания.

– Так вы тоже моряк? – Гордеев проникся еще большим уважением к своему собеседнику.

– Ну, можно и так сказать, хотя я больше по политической части. Слушай, Георгий Сергеевич! – мужчина перешел на официальный тон, лицо сделалось строгим, сразу стало видно – перед вами человек, наделенный определенной вла-

стью, – я получил назначение для работы на одном из островов Курильской гряды. Ты, конечно, знаешь, Правительство приняло решение о заселении Курильских островов нашими соотечественниками. Будут организовываться новые рыбокомбинаты, заводы по воспроизводству молоди лососевых пород, перерабатывающие предприятия. Специалисты нам ох как нужны. Назначим тебя начальником радиостанции на одном из рыбокомбинатов, жене тоже работу найдем, она у тебя, кажется, бухгалтерский работник, не так ли? Хорошие подъемные, двойной оклад, северные надбавки, заключите договор на пять лет, заработаете денег, а там как захотите, или остаться, или уехать.

– Умете, вы, Петр Тимофеевич, заинтересовать человека. Только, вы знаете, меня волнует вопрос жилья, кроме того, у меня брат, мы практически никогда не разлучались, он тоже радиооператор.

– Брату мы работу найдем, а вот с жильем... Японское население мы пока еще не все репатриировали, а своего построили очень мало, людей не хватает. Хотя постой, недавно разговаривал с директором Курильского рыбокомбината, у него в Утасице подготовлен дом под радиостанцию. Это в южной части острова, правда, далековато от районного центра. Но зато природа! Настоящие субтропики, лес, грибы, ягоды, соловьи поют. Просто рай. Ну что? Согласны поехать?

– Так уж и соловьи. Мне бы с женой и братом посоветоваться, – Георгий уже загорелся неожиданным предложением.

ем, но пути отхода нужно было оставить.

– Конечно, конечно, посоветуйся. А я сегодня же позвоню в Управление и предупрежу кадры. Надумаете, заключайте договор, оформляйтесь пока в резерв и первым пароходом милости просим.

– Петр Тимофеевич! А какой остров?

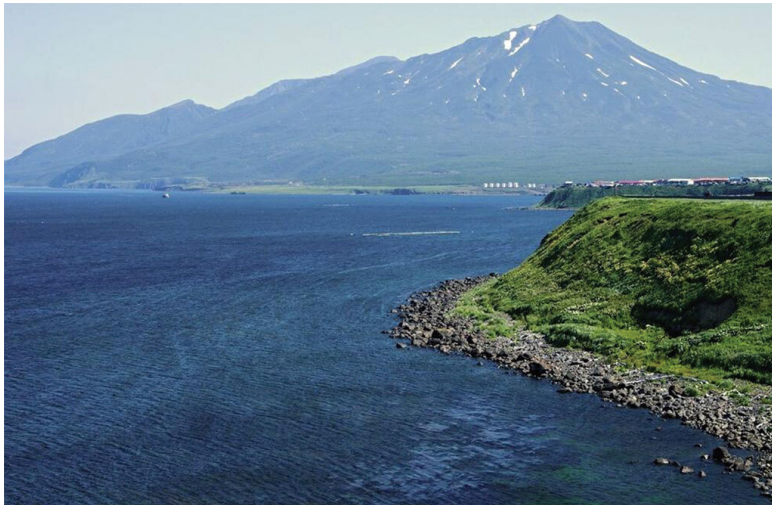
– Я разве не назвал? Итуруп!

Вот так решилась судьба семьи Гордеевых на ближайшие, как они думали, пять лет.

* * *

На рейд теплоход встал около десяти часов утра по сахалинскому времени. Туман рассеялся, и стали видны очертания острова. Прямо по курсу теплохода виднелись постройки и причал поселка Китовый, по правому борту можно было увидеть строения районного центра – Курильска, слева возвышался покрытый седой шапкой облаков вулкан Богдан Хмельницкий.

Воспоминания Стаса прервал подошедший к нему молодой человек.

– Доброе утро, Станислав Георгиевич! – это был вчерашний знакомый из бара.

– Доброе, доброе Олег. Голова не болит?

– Да все нормально. Вы извините меня, перебрал чуток. Встретил знакомых, вместе на зоне «парились», вот и решили отметить.

– Ладно, забыли. Ты сам-то как сейчас? Насколько я помню, у тебя в Корсакове семья.

– Не дождалась меня Ленка, уехала с каким-то пограничником на материк и дочку с собой забрала. Вот завербовался для работы на время путины, может, и навсегда останусь. В родном городе с моей справкой об освобождении места не

нашлось, – Олег тяжело вздохнул, погруженный, видимо, в свои мысли, – а вам спасибо большое за то, что по справедливости на суде разобрались, нож действительно не мой был.

– Хорошо, еще, думаю, увидимся, только не по такому поводу, как вчера. Меня назначили прокурором района, так что обращайся по старой памяти, – Гордеев пожал протянутую парнем руку и стал наблюдать за приготовлением команды к высадке пассажиров.

Подошел катер с плашкоутом на буксире и начал швартоваться по левому борту судна. Палубная команда, закрепив швартовые, спустила трап, по которому первыми поднялись пограничники – лейтенант и двое рядовых для проверки проездных документов прибывших. Вдруг по рупору раздался громкий мужской голос:

– «Славный остров Итуруп приветствует нового прокурора района. С прибытием вас, Станислав Георгиевич!».

Пассажиры, столпившиеся у трапа, с интересом завертели головами, отыскивая того, к кому было адресовано приветствие. Из рубки буксира выглядывало улыбающееся лицо парня в форменном морском картузе. Присмотревшись, Гордеев узнал в лихом морячке Володьку Карасева, давнего друга младшего брата Сережки. Их матери в 47-м родили мальчишек в одной палате чуть ли не в один день. С тех пор семьи сдружились и даже, уехав с острова, изредка обменивались праздничными открытками.

«Как быстро доходит информация, – подумал Стас, – ведь

только три дня назад подписан приказ о моем назначении, а поди же ты, уже и гражданские знают, что я еду этим рейсом». Не желая привлечь внимания, он слегка кивнул Володке головой, давая понять, что услышал его, и направился к трапу, где уже полным ходом шла выгрузка. Море слегка штормило, и пассажирам приходилось выжидать, когда последняя ступенька трапа поравняется с палубой плашкоута, и быстро на него перескакивать.

На берегу Гордеева встречали двое – мужчина лет сорока в форме майора милиции, и второй, чем-то похожий на нового прокурора, такого же роста, тоже в очках, правда, заметно постарше и потучнее.

– Начальник районной милиции Сергеев, – и, немного помедлив, майор добавил: – Василий Иванович, прошу не путать с Чапаевым, – после чего лицо его расплылось в улыбке, но тут же приняло серьезный вид. Похоже было, что майор несколько навеселе.

– Кротов, судья, – представился второй встречающий, – вы извините, председатель райисполкома встретить вас не мог, но просил передать, что завтра в любое время ждет у себя.

«Ну, вот, начинаются чиновничьи игры, – подумал Гордеев, – сразу хотят показать, кто в районе хозяин. Мы люди не гордые, главное, чтобы дело не страдало».

Прошло не более четверти часа, и милицейский уазик остановился у одного из двухэтажных домов на окраине Ку-

рильска. С этого места как на ладони открывался вид на районный центр. Во времена учебы Стаса в средней школе на этом довольно обширном плато располагалась метеостанция и остановка автобуса, курсирующего между Китовым и Курильском, которая получила в народе название «Цунами». Круто вниз от жилых домов спускалась деревянная лестница, соединяющая жилой микрорайон с центром городка. Вдалеке виднелся мост с покосившимися перилами, соединяющий берега реки Курилки, в устье которой приютились одноэтажные домики еще японской постройки. За исключением нескольких новых зданий, Гордееву показалось, мало что изменилось в населенном пункте за прошедшее время. «Сколько же лет прошло?» – подумал он, рассматривая панораму города своей юности. «Кто-то сказал: в прошлое возвращаться нельзя даже во сне, потому что однажды в нем можно и остаться. А у меня такое чувство, будто я никуда и не уезжал».

В квартире на втором этаже брусового дома на два подъезда, их встречала женщина бальзаковского возраста.

– Анна Степановна, – представилась она, – делопроизводитель районной прокуратуры, а по совместительству являюсь вашим секретарем, Станислав Георгиевич.

От сервированного в зале стола шел такой аппетитный аромат, что Гордеев сразу понял, как он проголодался. Кроме яичницы с чашкой кофе, на теплоходе уже сутки как он ничего не ел. На столе в изобилии присутствовали местные

деликатесы. Красную рыбу представляли: балык «со слезинкой», соленые брюшки горбуши, две пиалы красной икры, посыпанной зеленым лучком. Тихоокеанская сельдь блестела жирными боками рядом с дымящейся в чашке молодой картошкой, посыпанной свежим укропом. Дополняли этот кулинарный букет соленые грибочки, огурчики, папоротник, заквашенный по особому рецепту. На краю стола стояли несколько бутылок с яркими наклейками и кувшин с ягодным соком. Кульминацией этому пиршеству была большая супница с ароматной ухой, запах которой все почувствовали еще в прихожей.

«Прямо генеральская встреча, – подумал Стас, – интересно, что обо мне здесь уже знают? Несостоявшийся прокурор области, аморальный тип? Бросил жену с двумя детьми, нашел себе молодуху, отбудет свой срок и забудет, как нас звать. А что? Кажется, все так и есть. Кроме молодухи, не такая Марина молодая – дочке пятнадцать».

– Прошу всех за стол! – на правах хозяйки произнесла Анна Степановна, – сейчас принесу котлеты из духовки и можно обедать.

Первый тост подняли за благополучное прибытие нового прокурора и молча принялись за обед. Когда было покончено с ухой, первой нарушила молчание женщина:

– А я вас, Станислав Георгиевич, хорошо по школе помню, я училась на два класса младше. Помните, с вами учился мальчик Толя, все девчонки нашего класса были в него

влюблены. Вы не знаете, где он сейчас?

Как же не помнить Тольку Стороженко? Лучший спортсмен школы, красавец, он единственный решался крутить «солнышко» на турнике. «У летчика должен хорошо работать вестибулярный аппарат», – говорил он ребятам. Все знали, что после школы Толя собирается поступать в летное училище и стать военным летчиком. Недавно встретил Юрку Никитина, он рассказал, что Толик погиб в Афгане, выполняя, как сейчас принято говорить, интернациональный долг. Все-таки стал он военным летчиком. Да, разлетелись одноклассники по всему Союзу. Юрка работает главным механиком в одном из леспромхозов на Сахалине, Нюра Агеева стала многодетной матерью и воспитывает детей, Быхалин стал судоводителем и «ходит в моря», Чернов закончил театральный и уже успел сняться в нескольких фильмах. Вот бы собрать сейчас всех.

– Между первой и второй... – прервал размышления Гордеева Василий Иванович, но звонок телефона не дал закончить ему всем знакомый тост.

Кротов, который сидел ближе всех к аппарату, снял трубку и тут же передал ее майору.

– Тебя! – коротко сказал он.

По лицу начальника милиции стало понятно, что информация была не из приятных.

– Звонил дежурный. В Куйбышевке убита женщина и, кажется, изнасилована. Мне надо ехать.

– Я с тобой, Василий Иванович, – Гордеев с сожалением бросил взгляд на обеденный стол и поспешил за майором.

По дороге Сергеев рассказал о криминальной обстановке в районе, пожаловался на нехватку кадров, старую технику, отсутствие средств на ремонт здания милиции. Станислав молча слушал майора, внимательно всматривался в окно и старался восстановить в памяти знакомые места своей юности. Средняя школа в те годы была только в Курильске, и молодежь из района, желающая продолжить учебу после 7-го класса, жила в интернате. На школьные каникулы все ребята отправлялись по своим домам. Поселок Одесский, где работали и жили родители Стаса, располагался на юге острова не менее чем в ста километрах от райцентра. Дорога занимала два, а то и три дня. В любую погоду, где с оказией, часто пешком, а зимой на лыжах, несмотря на усталость, подростки преодолевали часто небезопасный путь ради нескольких дней пребывания в родной семье.

Вот проехали знаменитую «подкову», так прозвали в народе один из самых опасных участков пути между поселком Рыбаки и населенным пунктом Куйбышевка. Дорога в этом месте делает крутой поворот на 180 градусов, огибает скалистую гору. Ширина проезжей части позволяла лишь с трудом разъехаться двум гужевым подводам, а если встречались два грузовика, одному приходилось сдавать назад, чтобы не свалиться в пропасть. Гордееву вспомнилась история, произошедшая зимой 55-го года. Ребята возвращались в школу с

зимних каникул. С Лезозаводского, что в трех километрах от Одесского, он с двумя своими одноклассниками на военном грузовике добрался до Буревестника, небольшого военного городка на берегу залива Касатка. Оттуда к вечеру дошли на лыжах до Куйбышевки, где и заночевали у приятелей. Здесь к ним присоединился еще один школьник Борис Журавлев, и на следующий день решено было продолжить путь. С утра мела легкая поземка, и мать Бориса отговаривала ребят от похода, но желание поскорее добраться до родного интерната было сильнее непогоды. Когда начало рассветать, пошел сильный снег, дорогу стало быстро заметать, и, если бы не редкие вехи, выставленные вдоль нее, подростки легко могли сбиться с пути.

– Может быть, вернемся? – взмолилась Нюра.

– Да мы уже больше полпути прошли. Сейчас будет «подкова», а от нее рукой подать, – Борис, конечно, хитрил. «Рукой подать» это было не менее десяти километров до поселка Рыбаки, а там еще около трех. «Подкову» проходили, как можно ближе прижимаясь к скале, где заметало потише и снега было поменьше. На спуске, у одной из вешек, обнаружили фигуру мужчины. Бедняга сидел в сугробе, скрючившись, и почти не подавал признаков жизни. Пока Нюра растирала снегом изрядно побелевшее лицо и окоченевшие руки дядьке, Толя и Стас наломали еловых веток, а Борис смастерил из них волокушу, связав шарфами. Идти нежеланный попутчик не мог, поскольку, кроме обморожения, к то-

му же был мертвецки пьян. Ребята надолго запомнили эти десять километров, дистанцию, которую каждый из них не раз пробегал на лыжных соревнованиях. Ремни от брюк, за которые они тянули волокушу, резали плечи, лыжи проваливались в свежем снегу, порывы ветра сбивали дыхание. Порой им казалось, что этим испытаниям не будет конца, но бросить незнакомого человека замерзать они не могли. На подходе к поселку школьников встречал пограничный наряд, вышедший им навстречу по звонку из Куйбышевки. Мужчина сильно обморозился, зато остался жив.

Так за разговорами и воспоминаниями вскоре подъехали к месту происшествия. Дневная смена в цеху по переработке рыбы уже заканчивалась, и у деревянного склада на берегу моря постепенно скапливался народ. Все были обескуражены, и каждый хотел высказать свою версию случившегося. Здесь же находился приехавший из соседнего поселка участковый, который пытался успокоить собравшихся.

– Товарищи, не мешайте следствию, прошу всех разойтись, кого нужно будет – вызовут. Милиция во всем разберется.

– Да что там разбираться, Пашкиных рук это дело с его друзьями. Они с самого утра глаза заливали.

– Тащите его, мужики, сюда, он, верно, в общаге пьяный вдрызг спит.

– Да что с него сейчас толку, он ни бе ни ме, ни кукареку сказать не сможет.

– А Тамарка дура, нашла с кем хорооводиться.

– Жизни, то лишать зачем?

Местом преступления являлся ветхий деревянный склад, построенный еще при японцах, используемый для хранения рыбацких орудий лова. В одном углу в беспорядке были свалены оранжевые поплавки, размерами с футбольный мяч, в другом на куче сетей для прибрежной рыбалки лежало тело молодой женщины. Яркая странгуляционная борозда на шее жертвы не вызвала сомнений в насильственной смерти. Здесь уже работали инспектор уголовного розыска Платов и судмедэксперт из Курильска. За все время работы в органах Гордеев так и не привык к виду мертвого человека, поэтому после доклада инспектора постарался побыстрее выйти на свежий воздух. К этому времени рабочие уже привели рыжеволосого парня с распухшим от беспробудной пьянки лицом, на котором виднелись свежие ссадины. Видимо, сопровождающие не особенно церемонились с ним. Хмель у рыжего еще не выветрился, и он с трудом вспоминал события дня.

– Утром ко мне приехали кореша, привезли с собой спирт. Крепко выпили. После обеда к нам присоединилась Тамарка, но я это уже плохо помню. Был в отключке. Куда делись кореша, не знаю. Помню только, что бабла у них было немерено. Как зовут? Витек и Кочуба, фамилия или имя это, я не знаю.

Было ясно, что у парня больше ничего добиться нельзя. К

Гордееву в это время подошел участковый.

– Товарищ прокурор, уборщица из конторы видела, как двое мужчин садились в легковую машину, сто пудов наши клиенты.

– Что будем делать, Станислав Георгиевич? – Сергеев явно передавал инициативу в руки нового начальства.

Стас понял, что от его действий многое сейчас зависит. Надо было показать и бравому майору, и молодому инспектору, да и столпившимся в ожидании рабочим, что приехал не кабинетный чинуша, а грамотный профессионал, хорошо умеющий делать свою работу.

– Платов! Этого алкаша в наручники, – Гордеев с удовлетворением отметил, что появился азарт, знакомый ему по работе следователем, – тело после осмотра судмедэкспертом определить в холод. Я думаю, в цеху есть холодильник. Еще раз внимательно осмотри место преступления, может быть, найдешь какие-то вещественные доказательства. Я звоню погранцам и военным, пусть перекроют все дороги и порты. Закончишь осмотр – поможешь мне с опросом свидетелей. А ты, Василий Иванович, – обратился он к майору, – бери участкового и поезжайте в Буревестник. Переговорите с работниками порта, со всеми капитанами, готовыми выйти в море, облазьте все щели, где можно укрыться. Не могут негодяи далеко уйти. А вас, товарищи, кто может помочь следствию, прошу пройти в контору.

Вскоре опрос свидетелей превратился в импровизированный прием по личным вопросам. Рабочие жаловались на задержку выдачи заработной платы, на отсутствие нужных лекарств в медпункте, на плохие санитарно-гигиенические условия и многое другое, что делало их существование некомфортным. Видимо, с руководством рыбокомбината новому прокурору предстоял серьезный разговор.

Ближе к полуночи из Буревестника вернулся Сергеев, по его сияющей физиономии было видно, что поездка удалась.

– Сцапали голубчиков! В Японию хотели удрать. За приличные деньги капитану «РБушки»¹ предлагали отвезти их за границу. Но наши не продаются! – майор был доволен проведенной операцией.

– Эта троица тоже наши, – заметил Гордеев, – а вот как случилось, что они могли пойти на такое преступление, предстоит установить нам.

– Да, Георгиевич! У долговязого нашли женские часы и золотую цепочку, уверен, они принадлежали убитой, – начальник милиции посчитал, что сопричастность его к раскрытию преступления дает ему право так запросто обратиться к прокурору.

– Я надеюсь, Василий Иванович, были соблюдены все процессуальные действия при изъятии вещдоков? – Гордеев отметил некоторую фамильярность в обращении, но замечание майору делать не стал.

– Все по правилам. Понятые, протокол изъятия, как полагается, правда, один из понятых, механик с буксира, оказался хорошим знакомым Тамары и чуть им бошки не свернул. Можете, Станислав Георгиевич, не беспокоиться, доказательств для суда будет предостаточно, – видимо, Сергеев понял свою ошибку.

– Ну, хорошо, Платов тоже кое-что в складе собрал: окурки, пустую бутылку с отпечатками пальцев, обрывок веревки. Завтра допросим подозреваемых, и дело можно будет пе-

¹ *РБушка* – небольшое рыболовное судно.

редавать в суд. Ты только их по разным камерам посади, чтобы сговориться не успели.

– Да мы с Ивановичем мерзавцев по «свежачку» сейчас «расколем», – вступил в беседу инспектор.

– Хорошо, действуйте, только не перестарайтесь. А теперь домой, мне завтра с утра председателю райисполкома представляться, – Гордеев посмотрел на часы и добавил: вернее уже сегодня.

Все вышли из душного кабинета конторы на воздух. Ночная прохлада приятно освежала разгоряченные тела. С моря дул легкий бриз, принося с собой запах морских водорослей и свежей рыбы. У берега плескались юркие нерпы, лакомясь отходами от разделки рыбы. Редкие огни стоящих на рейде судов высвечивали по воде дрожащие дорожки, шум прибоя слегка заглушал звук работающих механизмов ночной смены.

* * *

С утра на воду лег плотный туман, который полностью скрыл берег от взоров пассажиров парохода. Георгий с Натальей уже вынесли на палубу свой нехитрый скарб и терпеливо стали ожидать высадки на берег. С вечера маленького Стасика родителям удалось уложить спать, и теперь, хорошо выспавшись, он просто засыпал отца вопросами.

– Пап, а пап, а медведи здесь есть?

– Конечно, есть, и медведи, и лисы, и зайцы.

– А слоны?

– Нет, слонов здесь нет.

– А почему?

– Потому, что слоны живут в Африке.

– А кто такие японцы?

– Это люди, только немного на нас непохожие.

– А на кого они похожие?

– Ну, может быть, на дядю Петю, дворника из клуба им.

Чумака. Помнишь его?

Мальчик, конечно, помнил этого круглолицего дяденьку с раскосыми глазами, который иногда угощал детвору сладкими конфетами. У дяди Пети была большая семья: два мальчика и три девочки, как две капли, все похожие на него. Баба Фекла почему-то называла их нехристями и советовала держаться подальше. Запрет еще больше подогревал детское любопытство, а кроме того, Стасику очень нравилась одна из сестер этой семьи – пятилетняя Алия. Она так могла посмотреть на него, что он сразу забывал бабкин наказ, а видел только черные, как угольки, глаза, маленький, чуть приплюснутый носик и розовый язычок, который она каждый раз при встрече ему показывала. Но сейчас все это скрылось от мальчишки далеко за морем, по которому они плыли несколько дней и ночей на чудесном корабле.

Пароход «Уэлен» все называли грузопассажирским, но для перевозки людей он был мало приспособлен. В довольно

вместительном трюме имелись наспех сколоченные двухъярусные нары, расположенные на небольшом расстоянии друг от друга. Многие, как и Гордеевы, ехали семьями, и женщины пытались сделать хоть какую-то видимость уюта. Все спальное пространство трюма пестрело разноцветными простынями, скатертями и даже платками, служившими ограждениями от глаз соседей по нарам. В дальнем углу размещался металлический короб с выходящей из него наверх трубой. Вахтенные, производившие уборку помещения, называли сооружение по-флотски гальюном. С тех пор у Стасика слово «гальюн» ассоциировалось с чем-то грязным и плохо пахнущим. Надо отдать должное, большинство взрослых переселенцев предпочитало, отстояв очередь на верхней палубе, уединиться для удовлетворения своих естественных потребностей в судовом туалетном помещении. Кроме того, у пассажирского помощника капитана можно было записаться на посещение душевой. Пожалуй, на этом все удобства и заканчивались, если не считать судового буфета, в котором без ограничения отпускали разве что только кипяток. Из трюма на палубу вела крутая двухсекционная лестница, по которой детворе строго-настрого запрещалось передвигаться одним.

Туман начал рассеиваться, и стали видны очертания острова. На берегу виднелись серые одноэтажные сооружения, деревянный пирс. Левее от зданий берег местами обрывистый и скалистый, правее окаймлен песчаным пляжем, в

нескольких кабельтовых² от берега из воды выступали рифы. От пирса отошел небольшой катер, тащивший за собой на буксире несколько японских кунгасов³ «кавасаки». На корме каждой лодки находился японец с длинным веслом в руках. Весло-юла действовало как рыбий хвост, завинчивая воду, тем самым придавая движение плавсредству в нужном направлении. Еще в древности на Востоке «юление» или «галание» натолкнуло людей на изобретение гребного винта.

– А где у нас Толька пропал? – вспомнил про брата Георгий, – скоро выгружаться будем, а его нет.

– Так он же с Антониной еще с вечера куда-то умотал.

Наталья все плаванье была в курсе любовных походов деверя⁴. На пароходе Анатолий познакомился с чернявой дивчиной из-под Воронежа и практически все время проводил с ней.

Подошел катер с кунгасами и пришвартовался по правому борту судна, после чего началась выгрузка. На палубе растилали сетку, сплетенную из просмоленных канатов толщиной с руку взрослого человека, и в нее складывали чемоданы и узлы переселенцев. Затем судовой кран стягивал сеть за четыре конца, образуя громадную «авоську»⁵, и при-

² Кабельтов – 1/10 морской мили, 185,2 метра.

³ Кунгас – большая беспалубная гребная или парусная лодка, распространенная в дальневосточных морях и предназначенная для ловли рыбы, перегрузки грузов.

⁴ Деверь – брат мужа.

⁵ Авоська – разговорное название сетчатой, сплетенной из суровых нитей хо-

поднимал ее над палубой. Со всех сторон за канаты цеплялись люди, после чего следовала команда «вира», и «авоська» перемещалась на кунгас. Здесь ее разгружали, и операция повторялась с новым грузом. Когда очередь дошла до Гордеевых, Георгий прижал своим телом сына к сетке с вещами, чтобы он не свалился, когда их переносили на кунгас. Вся процедура занимала немало времени и была небезопасной. Катер не раз курсировал между берегом и пароходом, благо море было спокойным. Не обошлось без происшествия. Во время разгрузки один из чемоданов упал между пирсом и баркасом, и все вещи оказались в воде. Хозяева чемодана бросились собирать свое имущество, пожилой японец рыбацким багром помогал им. Только к вечеру последние пассажиры оказались на берегу. Ночевать переселенцев определили в деревянном бараке, пропахшем рыбой: видимо, он служил для бывших хозяев складом. На земляном полу лежали сколоченные из необтесанных досок щиты, покрытые соломенными циновками. В центре помещения размещался длинный деревянный стол. Японское население небольшими группками с любопытством наблюдало за приезжими, о чем-то переговариваясь между собой. Когда кто-либо из сошедших с парохода вскидывал в приветствии руки, лица японцев расплывались в широкой улыбке, а головы склонялись в почтительном поклоне. В поведении же маленьких аборигенов абсолютно отсутствовали неловкость

и страх, лишь любопытство двигало ими.

– Росьяго! Росьяго!⁶ – шумела детвора, а завидев светловолосую девочку, начала показывать на нее, как на какое-то чудо.

– Акаге! Акаге!⁷ – в их голосах слышались восторг и удивление.

Рано утром появились два пожилых японца, которые принесли большие чашки с отваренным рисом, рыбу, нарезанную тонкими пластинами, и маленькие пиалы с различными соусами. После завтрака прибыл щеголеватый офицер в форме капитана госбезопасности.

– Гордеевы есть? – он заглянул в записную книжку и уточнил: – Георгий Сергеевич и Анатолий Сергеевич.

– Да, есть, – Георгий подошел к военному. – Это я и мой брат.

– Мне приказано доставить вас в Курильск, – и, предвидя вопрос Гордеева добавил: – о жене с сыном можете не беспокоиться, их с семьями, которые направляются в Утасицу и Комуикотан, сейчас отвезут в Оннебецу, где они переночуют, а завтра вы к ним присоединитесь.

– Собирайтесь. Товарищ Доценко, – обратился он к прибывшему с ним мужчине, – есть кто в сторону Курильска? Машина ждет.

– Есть, есть, товарищ капитан, – Доценко оказался за-

⁶ Росьяго – русский (япон.)

⁷ Акаге – рыжая (япон.)

местителем директора Курильского рыбокомбината, направленный в Рубецу для сверки списков прибывших переселенцев. Уточнялись фамилии, имена, отчества, откуда прибыл, профессия по которой работал до войны человек. Вскоре кузов повидавшего виды студебеккера был до отказа заполнен людьми и вещами отъезжающих. Георгий с Анатолием уселись ближе к кабине водителя и стали обсуждать неожиданный вызов. Всю дорогу до Курильска переселенцы с любопытством всматривались в окружающую их природу. Чем дальше автомобиль уходил на север, тем реже стали встречаться крупные деревья, а больше зарослей стелющегося низкорослого стланика с широко раскинутыми ветвями и причудливо изогнутые березки. Редкие, покрытые изумрудным мхом поляны чередовались с зарослями вечнозеленого курильского бамбука. Впереди на горизонте виднелась красавица гора, очертанием напоминающая усеченный конус, из вершины которой выходил легкий дымок.

Районный центр, расположенный в устье небольшой реки, мало был похож на привычные русскому человеку города. Застроенный вдоль реки одноэтажными деревянными строениями, он скорее напоминал небольшое село. Общую панораму несколько оживляло возвышающееся над другими строение, видимо, религиозного назначения и дом с крышей, у которой края причудливо изгибались вверх. У этого дома и остановилась машина с людьми.

Заместитель директора занялся размещением прибывших, а капитан с братьями вошли в дом, где в небольшой комнате собрались несколько человек. За канцелярским столом сидел знакомый Георгию по Владивостоку Слатов.

– Ну что, с прибытием вас, братья Гордеевы. Знакомьтесь, товарищи – это наши радиобоги. Вас, оказывается, даже в Москве знают. Ты что ж, Георгий не рассказывал о своем знакомстве с самим Кренкелем. Они, товарищи, в 34-м связь челюскинцев с Большой землей обеспечивали. Эрнст Теодорович привет просил вам передать, недавно в Министерстве связи с ним пересеклись.

Гордеевы были крайне смущены таким приемом, они совсем не считали себя героями. После окончания курсов ОСОАВИАХИМа братьев зачислили простыми радистами в узел связи конторы АКО⁸ в Петропавловске-на-Камчатке. Когда 13 февраля 1934 года в результате сильного сжатия «Челюскин» был раздавлен льдами и затонул, старший радист парохода связался с береговой радиостанцией мыса Уэлен. Станция была маломощной, и все переговоры с материком осуществлялись через Петропавловск. Георгию и Анатолию, как самым молодым и неженатым, была поручена круглосуточная вахта с челюскинцами. Особенно интенсивная работа началась после доставки потерпевших бедствие на землю. Из бухты Провидения 21 мая вышли пароходы «Смоленск» и «Сталинград» с челюскинцами на борту. Каждый из спасенных торопился телеграфировать своим родным о том, что он жив и здоров. Братья добросовестно выполняли свою работу, заканчивая каждый очередной сеанс радиосвязи фразой: «Работал Гордеев», чем вызывали удив-

⁸ АКО – Акционерное Камчатское Общество, организовано 27 июля 1927 года.

ление радиста «Челюскина». «Неужели у них там всего один человек?» – недоумевал Кренкель. Еще больше он удивился, когда по приходе в Петропавловск ему представили двух почти мальчишек, молодых парней.

Знакомясь с присутствующими в комнате, Георгий особенно запомнил молодого парня в выцветшей гимнастерке без погон. Крепкое рукопожатие и широкая открытая улыбка сразу заставляли проникнуться доверием к начальнику рыбозаводного завода.

– Итак, – начал совещание Слатов, – я, как секретарь райкома Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, обязан ознакомить вас с обстановкой, сложившейся на острове, и поставить задачи, которые нам вместе предстоит решать. Указом Президиума Верховного Совета СССР в составе Хабаровского края образована Южно-Сахалинская область, в состав которой включен и наш район. Совет Народных Комиссаров СССР определил основные мероприятия по восстановлению народного хозяйства области и включению ее в систему экономических и политических отношений социалистического типа. Нам на острове необходимо в кратчайшие сроки организовать устойчивое производство продукции рыбного хозяйства. Страна обескровлена жесточайшей войной и крайне нуждается в продовольствии.

Трудно переоценить, какой вклад может внести Дальневосточный регион в дело обеспечения нашего народа морепродуктами. Не скрою, на сегодняшний день имеются мно-

гочисленные трудности в решении поставленных Правительством и партией задач. «Кадры решают все!» – так сказал руководитель нашей страны, великий Сталин. Прибывают все новые и новые переселенцы с разных регионов Советского Союза, всех их надо разместить, обеспечить питанием. Товарищ Васильков! – Слатов неожиданно обратился к мужчине в полувоенном френче. – Что у нас с заявками на продовольствие?

– Полностью удовлетворены, Петр Тимофеевич. Из Советской Гавани на подходе два парохода, часть необходимого прибыло на «Уэлене», пока военные помогают.

Председатель рыбкопа явно был готов к вопросу и отвечал четко, без суеты.

– Хорошо, держите меня в курсе. Я продолжу. Вопрос о размещении вновь прибывающих. Часть японского населения покинула остров, в освободившихся домах можно поселить по несколько семей, надеюсь, это временная мера. Скоро начнется первый этап репатриации, с жильем будет полегче, да и сами начали строить, думаю, военные с рабочей силой нам помогут, – здесь Слатов посмотрел на пожилого подполковника, который утвердительно кивнул головой.

– Теперь о работе с японским населением. Всячески пресекать проявление враждебности или грубого отношения. В основной массе не успели эвакуироваться простые работяги, прожившие на этой земле не один десяток лет. Здесь родились их дети и внуки, которые не знают другого дома.

Поэтому просьба уважать их обычаи и культуру, не выказывать свое превосходство. Все японское население должно быть привлечено к производственному процессу, причем гарантировать им основные социально-экономические права, установленные советским законодательством, наравне с нашими рабочими.

Наш район делится на четыре сельских Совета, с центрами в поселках: Сибеторо, Рубецу, Беттобу и Найбо. Как вы заметили, я оперирую японскими названиями. Предварительно проекты новых и восстановление старых на днях будут утверждены приказом гражданского управления СССР.

Всем коммунистам в ближайшее время встать на партийный учет, а вам, Георгий Сергеевич, – обратился он к Гордеву, – первое партийное поручение: мы рекомендуем вас секретарем партийной ячейки на юге острова. Поселок Утасица один из самых отдаленных от районного центра, и необходимо, чтобы люди не чувствовали себя оторванными от цивилизации. Надо организовать регулярные политинформации, наглядную агитацию, стенную печать и т. д. В поселке есть помещение, которое можно приспособить под клуб, только подбери человека на должность заведующего, а мы обещаем не реже двух раз в месяц направлять вам киномеханика с передвижкой. Без новых кинофильмов не останетесь.

– Тарас Григорьевич, – неожиданно переменял тему Слатов, – у вас есть что добавить?

Поднялся мужчина средних лет, директор Курильского

рыбокомбината.

– Товарищи! Рыболовный флот на сегодняшний день у нас практически отсутствует, поэтому весь упор сделаем на прибрежный лов, благо средства лова японцами не уничтожены. Получены квоты на вылов трески, морского окуня, сельди и лососевых. Организованы шесть рыболовецких участков, с Сахалина обещали отправить пару буксиров и МРСку⁹, но пока надо использовать «кавасачки»¹⁰. Смотрел недавно, как японцы ими управляют, никаких буксировщиков не надо. Второй не менее важной задачей является искусственное воспроизводство лососевых. В довоенный период на острове действовало несколько рыбоводных заводов. Здесь на тебя надежда, Андрей, – директор посмотрел на парня в гимнастерке. – Опыта у тебя, конечно, никакого, но будешь учиться у японцев. Технолога тебе нашли, в ближайшее время прибудет, говорят, толковая женщина. Любыми путями нужно заложить в этом году на Курильском заводе не менее 20 млн икринок. Иначе не видать нам рыбы через год. А теперь, Петр Тимофеевич, просьба к вам. Условия здесь далеко не курортные, народ пока не акклиматизировался, многие болеют, а лекарств нет. Да и медицинских работников кот наплакал, если бы не японские врачи, то просто беда.

– Я понял, Тарас Григорьевич, – Слатов сделал пометку в

⁹ МРС – малый рыболовный сейнер.

¹⁰ «Кавасачка» – народное название японской лодки.

лежащем перед ним блокноте, – если у вас пока все, можете садиться. Теперь попросим товарища Козырева ознакомить нас с криминальной обстановкой в районе.

Все внимание присутствующих обратилось к бравому капитану госбезопасности.

– Обстановка, – начал он, – прямо скажем, почти фронтовая. На острове действуют несколько диверсионных групп, продолжаются поджоги и вредительство. Так, на днях сгорело производственное здание в поселке Иририфуси, в Беттобу предотвращено отравление нерестовой речки хлором, на рыбоводном имеются случаи саботажа. Военнопленных мы практически всех отправили на материк, но некоторые остались под видом гражданского населения. Недавно в Рубецу разоблачили офицера японской разведки, – работал сторожем. Еще одна проблема – с прибывающими по договорам. Первые переселенцы, главным образом дальневосточники и сибиряки, но скоро люди поедут с западных территорий России. Многие были в оккупации, среди них не исключено, что будут и те, кто сотрудничал с фашистами, даже служил в полиции. Поэтому нужна строжайшая бдительность. О каждом случае вредительства, о каждом подозрительном человеке немедленно докладывайте в управление госбезопасности или в контрразведку. Держите с нами постоянную связь. У меня все. Петр Тимофеевич, я хотел бы Гордеевых проинструктировать отдельно. Вы не против?

– Нет, конечно. На этом совещание окончено, за работу,

товарищи. Георгий Сергеевич, задержитесь, пожалуйста, с братом.

– Может, перейдем на ты? – начал разговор капитан, когда они остались наедине. – Вы как, мужики?

– Давай на ты! – Георгий посмотрел на Анатолия, тот в знак согласия кивнул головой.

– Меня зовут Николай, – продолжил Козырев, – а о вас я практически знаю все. Родились на Камчатке, там же начали свою трудовую деятельность, работали на судах Дальневосточного региона. Потом служба в узле связи при штабе Тихоокеанского флота, участвовали в боевых действиях при взятии Курильских островов, имеются награды Правительства СССР. Все правильно?

– Ну ты даешь, капитан, все верно! – Гордеевы уже начали догадываться, о чем будет инструктаж.

– Работа такая. Теперь о наших делах. На совещании я, разумеется, все рассказать не мог. По нашим разведанным, в каждом населенном пункте японцы оставили по агенту. На юге острова работает неизвестная радиостанция, точное расположение которой установить пока не удалось. Не исключено, что в лесах скрываются группы военнослужащих, не успевших эвакуироваться при отступлении. У японцев в качестве дешевой рабочей силы трудились завезенные на остров насильно китайцы и корейцы. Особой любви друг к другу они не испытывают. В этой вражде, может быть, имеются какие-то исторические корни, но очевидно и то, что кто-

то разжигает ситуацию намеренно. Совсем недавно в поселке Утасица произошла массовая драка, в которой убит кореец. Только силами пограничников из соседнего Комикутана удалось остановить поножовщину. Ребята вы проверенные, участок работы у вас, Гордеевы, особенный, поэтому будем считать, что служба в какой-то степени у вас продолжается. Сейчас распишитесь за получение пакетов, в которых, кроме рабочих частот и индивидуальных позывных, имеются резервные частоты для экстренных ситуаций. По ним будете получать конфиденциальную информацию и держать связь с нашими службами. Думаю, всем понятно, что наши отношения необходимо оформить подпиской о неразглашении секретных данных.

С этими словами капитан достал из офицерского планшета два заполненных мелким шрифтом документа и дал на подпись Гордеевым.

– Ну, на первый раз достаточно, – Козырев выдохнул, как после тяжелой работы, – вопросы есть?

– Есть. Где и когда я получу аппаратуру для радиостанции? Как я понял, у Анатолия в поселке имеется стационарная станция, а в Утасице все нужно начинать с нуля, – этот вопрос давно волновал Георгия.

– Анатолий остается здесь, до его Беттобу от Курильска не более пятнадцати километров, а мы с тобой, Георгий, едем завтра в Оннебецу, там и получишь у военных рацию. Пока, конечно, маломощную, но в пределах Итурупа будет

достаточно. Кстати, там у пограничников на складе лежат несколько ящиков с аппаратурой. Все надписи на ящиках на английском, видимо, трофеи японцев. Посмотришь, что пригодится – заберешь, а то никто не знает, что с этими трофеями делать. А теперь поехали к Акимову, он приглашал нас на ужин, там и переночуем.

На улице их ожидал парень в гимнастерке, к которому директор рыбокомбината обращался на совещании. Солнце на горизонте садилось в воду залива, с моря слышался шум прибоя. Всю дорогу до рыбоводного, вдоль берега неширокой речки, их сопровождали всплески идущих на нерест лососей.

* * *

На следующее утро Станислав проснулся позже обычного. Приехав ночью из Куйбышевки, он долго не мог заснуть, ворочаясь на выдавшем виды диване, восстанавливая в памяти события первого дня пребывания на острове. Поставив кипятиться старенький электрочайник, сделал гимнастическую зарядку, Гордеев направился в туалетную комнату. Ее просторные размеры не шли в сравнение ни с одной из квартир, в которых он ранее проживал. Сельский вариант планировки предусматривал, кроме квадратного зала, спальни и кухни, большую прихожую и кладовую, больше похожую на небольшую комнату. Вчера Станислав не успел толком

рассмотреть квартиру и решил после завтрака восполнить упущение. У его предшественника семья проживала в Южно-Сахалинске, поэтому холостяцкое жилье не отличалось уютом и комфортабельностью, а инвентарные номера на мебели и электроприборах указывали на отсутствие у прежних хозяев желания оставаться здесь надолго.

«Скорее бы уже приезжала Марина да навела порядок в этой «берлоге», – подумал Гордеев. Они расписались за месяц до его назначения. Этому предшествовал скандальный развод с первой женой и неприятный разговор с областным прокурором.

Когда любовный роман Станислава с делопроизводителем Мариной стал достоянием прокуратуры, Сенцов вызвал к себе Гордеева.

– Ты понимаешь, Стас, что после всех жалоб твоей бывшей жены дальнейшая служба в областной прокуратуре невозможна. Самое большее, что я могу для тебя сделать, – отправить прокурором в один из районов. Выговор по партийной линии за аморалку, как минимум, обеспечен, но и то, только в том случае, если вы с Мариной Прокопьевной узаконите свои отношения.

Станислав с областным прокурором, коренным москвичом, были одноклассниками, и с первых дней совместной работы у них сложились доверительные отношения, которые вскоре переросли в дружбу. Сенцов закончил с красным дипломом юридический факультет МГУ и не скрывал, что свое назна-

чение на Сахалин рассматривает как одну из ступенек в служебном росте. В дружеских беседах со Стасом он не раз намекал, что своим приемником видит только его.

– Представление на старшего советника юстиции, – продолжил прокурор, – придётся тормознуть, а в какой район – выбирай сам, у нас в трех временно исполняющие обязанности.

– Да все понятно. Спасибо тебе, Геннадий Иванович. Если можно, я бы хотел на Итуруп, все же, как-никак, родные места.

– На Итуруп, так на Итуруп, хотя район не из легких, – Сенцов замолчал, как бы раздумывая говорить ли ему дальше или нет. – Скажу тебе под большим секретом, в Москве сейчас раскручивается так называемое «рыбное дело». Замешаны чиновники самого высокого ранга, одна из «ниточек» ведет в твой будущий район. Не исключено, что и там не обошлось без покровительства местной власти. Поэтому будь осторожен, действуй по пословице «семь раз отмерь», прежде чем принимать решение. Всю информацию, каждое свое действие по этому вопросу согласовывай только лично со мной, и не потому, что я тебе не доверяю, просто может сложиться ситуация, когда и я тебя не смогу защитить.

– Что, так серьезно?

– Очень, Стас, серьезно. Ты единственный человек в нашей прокуратуре, кому я доверяю эту информацию. Еще раз по-дружески прошу тебя: будь крайне осторожен. На дру-

гих задачах, я думаю, останавливаться не будем, вступишь в должность, сориентируешься сам, опыта у тебя достаточно.

Потом было партийное бюро, на котором каждый выступающий старался заклеить зарвавшегося коллегу, осудить его недостойное советского семьянина поведение, порочащее его как члена коммунистической партии.

Гордеев еще раз бросил взгляд на свое новое жилье и стал собираться на службу. Надев форменный китель советника юстиции, он с огорчением отметил, что тот стал, как минимум, на размер больше. Последние неурядицы, видимо, не остались бесследными для нового прокурора района.

Прокуратура находилась в старом японском здании, рядом с милицией. До устья реки Курилки было не более ста метров, и в хороший шторм морские волны доходили чуть ли не до самого крыльца. Вся дорога до службы заняла у Станислава пять минут. В приемной его уже ожидал Василий Иванович, который развлекал Анну Степановну анекдотами. Гордеев ответил на приветствие коллег, пожал руку майору и вместе с ним прошел в кабинет. Следом вошла Анна Степановна с увесистой пачкой скопившихся без движения документов. Положив бумаги на край стола, она уведомила Гордеева, что им интересовался председатель райисполкома, и просил позвонить, после чего вышла.

– Что у тебя, Василий Иванович? Давай побыстрее, хочу сегодня с районной властью познакомиться, – при этом Станислав бросил взгляд на принесенные секретаршей докумен-

ты, – да и с делами нужно разобраться.

– Я, Станислав Георгиевич, по вчерашнему происшествию, нужно утвердить постановление о взятии под стражу субчиков, кроме того, готовы протоколы допросов преступников. Будете смотреть?

– Протоколы подозреваемых – поправил майора Гордеев, – и давай на ты, мы же с тобой почти ровесники.

– Какие же они подозреваемые? Раскололи мы их с Платовым по самые... сознались они, в общем. Встречаться будете с ними?

– Ну, степень вины каждого установит только суд, ты готовь все документы, я потом с ними ознакомлюсь, а постановление давай, подпишу, – на последний вопрос Стас отвечать не стал, желания встречаться с насильниками у него не было.

После ухода милиционера Гордеев пригласил Анну Степановну и попросил узнать, когда его примет председатель райисполкома.

– Он звонил еще раз и просил передать, что ждет вас в любое время, – официальный тон и поведение женщины совсем не соответствовали образу вчерашней гостеприимной хозяйки.

С Храповым у Станислава было «шапочное» знакомство. Изредка встречались на совещаниях, хозяйственных акциях и других областных мероприятиях, даже здоровались, но близко не пересекались. Одной из основных задач нового

прокурора было, несомненно, наладить контакты с местным начальством, с другой стороны, у Гордеева не выходил из головы разговор с Сенцовым перед отъездом. Секретарша была предупреждена о приходе прокурора и сразу пригласила пройти в кабинет.

Хозяин кабинета и Гордеев пожали друг другу руки, обменялись дежурными приветствиями и оценивающими взглядами.

– Наслышаны, наслышаны, Станислав Георгиевич, о ваших вчерашних подвигах. Как говорится, с корабля и сразу в карьер.

– Да какие там, Алексей Андреевич, подвиги, обычная оперативная работа.

– Ну не скажите, не каждое преступление удается раскрыть за несколько часов. Жителей в районе немного, поэтому уже сегодня всем будет известно, что приехал настоящий профессионал, да еще наш остров, кажется, вам хорошо знаком?

– Совершенно верно, приехал с родителями сразу после войны, здесь же и закончил среднюю школу, – Станиславу не хотелось углубляться в воспоминания.

– Извини, что не смог встретить, сам понимаешь, дела. Как устроился? Сергеев, я думаю, успел доложить обстановку?

– Да, в общих чертах обрисовал положение дел, а устроился нормально. Квартира понравилась, – Гордеева стала тя-

готовить эта беседа не о чем.

– Если что нужно, обращайся, чем можем, тем поможем. С чего, прокурор, думаешь начать?

– В первую очередь познакомлюсь с населением, рабочей хозяйственных руководителей, проведу проверку правоохранительных органов. Вот уже в первый день получил много жалоб от работников рыбного цеха в Куйбышевке. Придется с директором разбираться, просто это разгильдяйство или преступная халатность.

– Ты бы, Станислав Георгиевич, не рубил сплеча. Авдеев у нас заслуженный работник, член райкома партии. У кого нет недочетов в работе? Давай я переговорю с ним лично, а уж потом будем делать выводы, – в голосе председателя появились недовольные нотки: он почувствовал, что инициатива в разговоре переходит к его собеседнику, и решил поменять тему: – Может быть, есть просьбы или пожелания?

– Да какие пожелания, Алексей Андреевич, я ведь нет и суток, как приступил к своим обязанностям. Правда, одна просьба имеется. Помещению милиции срочно требуется ремонт, да и в прокуратуре не мешало бы освежить интерьер.

– Сделаем, товарищ прокурор, сделаем. Сегодня же задачу начальника строительного управления.

Гордееву не понравилась несколько дурашливая интонация Храпова, но он решил промолчать. На этом знакомство завершилось, и Станислав отправился разгрести, скопившиеся за время отсутствия своего предшественника доку-

менты.

Следующая неделя у нового прокурора была насыщена поездками по району, встречами с руководителями предприятий и рядовыми гражданами. Особенно приятной случилась встреча со старым знакомым, директором рыбоводного завода. Андрей Николаевич в составе воинских подразделений освобождал Итуруп и после демобилизации остался работать на острове. С отцом Станислава они познакомились с первых дней пребывания Гордеевых на Итурупе и сразу подружились. Акимов мало изменился за эти годы. Такой же подтянутый и энергичный, разве что поседевшие виски да гражданская одежда вместо потертой гимнастерки отличали того дядю Андрея из послевоенных сороковых.

В одной из поездок при разговоре с начальником рейда в поселке Буревестник Станислав высказал желание посетить место своего детства поселок Одесский.

– Съездить можно, только там давно уже ничего нет, даже дома разобрали на дрова. Если хотите, можно с военными договориться насчет ГТТ¹¹, на другом транспорте туда трудно добраться. Заодно познакомитесь с командиром воинской части.

Подполковника Гришина уже оповестили о приезде нового прокурора района, и он искренне был рад знакомству. На столе тут же появилась бутылка коньяка, тонко нарезанный лимон и пиала с красной икрой.

¹¹ ГТТ – гусеничный транспортер-тягач.

– Я слышал, Станислав Георгиевич, что Итуруп не чужой для вас остров. А я вот хабаровчанин. После военного училища помотался считай по всей стране, а сейчас здесь. Вы бывали в Хабаровске? – подполковник сделал паузу, чтобы налить еще по рюмке.

– Да, конечно, я там после окончания юридического экзамены в аспирантуру сдавал. Хороший город, младший брат, Сережка, институт в нем заканчивал, сейчас на Сахалине главным инженером на заводе работает.

– А какие первые впечатления о районе, многое изменилось?

– Честно говоря, Николай Иванович, очень мало, иногда мне кажется, что я никуда и не уезжал. разве что кладбище самолётов в Буревестнике стало поменьше.

Станислав вспомнил первое свое знакомство с этим поселком, тогда носившим еще японское название Оннебецу.

* * *

Первое впечатление переселенцев от поселка было, что они попали в какую-то воинскую часть. Гражданских на улице почти не было, даже в единственном магазине продавец, тучный лысоватый мужчина, щеголял в военной гимнастёрке, правда, без погон. Населенный пункт располагался на берегу залива Хитокаппу, известного в мировой истории тем, что отсюда 26 ноября 1941 года ударное соединение япон-

ского императорского флота под командованием вице-адмирала Тюити Нагумо направилось к Перл-Харбору¹².

Панораму залива несколько оживлял сторожевой корабль на рейде да уходящий на несколько десятков метров в море деревянный пирс с причаленными к нему рыбацкими кунгасами. Серые невзрачные строения дополнял небольшой аэродром, взлетно-посадочная полоса которого заканчивалась почти у края берега залива. Севернее пирса за казармами и воинскими складами, ближе к скалистому склону, располагалось здание госпиталя. Здесь на побережье залива Хитокаппу находится самое загадочное место острова – объект под названием Чертова гора – скопище первородного гранита, в котором вырублено начало подземелий. Достоверно известно, что там находилась лаборатория отряда 731, известного своими чудовищными «научно-исследовательскими» действиями в Манчжурии (дабы не пугать население, лабораторию в Чёртовой горе называли госпиталем, да что и говорить, если рубившие скалу корейцы и китайцы были посажены в баржи и утоплены в заливе). После окончания войны спецотряды НКВД приступили к исследованиям подземных коммуникаций острова Итуруп близ Чертовой горы, но все при этом погибли в ловушках лабиринта, поэтому входы

¹² Японское соединение включало шесть авианосцев, на которых размещался 441 самолёт, два линкора, два тяжелых и один легкий крейсера, а также 9 эсминцев и 6 подводных лодок. 7 декабря 1941 года Япония совершила разгром центральной базы тихоокеанского флота военно-морских сил США, расположенной на большей части «Жемчужной гавани», на острове Оаху (Гавайи).

в подземелья решено было взорвать, их не исследовав.

Вдоль дороги, ведущей на южную часть острова, раскинулась свалка разбитых военных самолетов. Среди японских аппаратов с хиномару¹³ на фюзеляже и крыльях виднелось несколько машин со знакомыми звездами. Лучшее место для ребячьих игр, чем это кладбище воспоминаний о трагедиях прошедшей войны, трудно было вообразить. Бывало, до позднего вечера в кабинах «истребителей», «пикировщиков» и «бомбардировщиков» не прекращались «воздушные баталии».

¹³ *Хиномару* – знаки национальной принадлежности боевой машины в виде красного круга. Их наносили по обе стороны хвостовой части фюзеляжа, на верхние и нижние плоскости крыльев.

Наталью с сыном на временное проживание взяла семья начальника рейда по фамилии Кряж. Бывший флотский старшина своей энергией и веселым характером сразу расположил к себе маленького Стасика. К тому же дядя Ваня носил такой же китель, как и у отца мальчика.

На следующий день из Курильска приехал Георгий и сразу отправился на воинские склады. Вернулся Гордеев только вечером и был крайне довольным. Бесхозные ящики, о которых говорил капитан Козырев, оказались американской дивизионной радиостанцией. Из всего комплекта отсутствовал

лишь ящик с ЗИПом¹⁴, припрятанный, видимо, пограничниками для себя.

На ужин хозяйка приготовила наваристые щи с говяжьей тушенкой, на второе была жареная горбуша с пюре из сухой картошки. Иван Кряж проходил срочную на первой речке во Владивостоке, где и познакомился со своей будущей супругой, поэтому за ужином Гордеевы рассказали последние новости о портовом городе, а хозяева, в свою очередь, поделились впечатлениями о первых месяцах пребывания на острове и особенностях совместного проживания и работы с японским населением. У мужчин нашлось достаточно общих тем для разговоров, ведь оба всю войну отслужили во флоте, а также участвовали в операции по освобождению Курильских островов, только Иван в роте морской пехоты, а Георгий радистом на подводной лодке. Командование узла связи удовлетворило рапорт старшины второй статьи Гордеева и на период военных действий назначило радистом на одну из субмарин. Стасик внимательно слушал беседу за столом, борясь со сном, чем вызывал улыбки взрослых, когда пальцами старался поддерживать закрывающиеся веки.

Через два дня уже знакомый студебеккер повез переселенцев к месту их постоянного проживания и работы. Вместе с Гордеевыми в кузове грузовика разместились семьи Скорбогатых и Никитиных, а также молоденький лейтенант-пограничник, Наталью, по настоянию женщин, усадили в каби-

¹⁴ ЗИП – запасные части, инструменты, приспособления.

ну рядом с водителем. Ящики с аппаратурой Георгий с солдатами погрузил еще с вечера. Юрка Никитин и Стасик забрались на кули с вещами и разучивали игру, подсмотренную у японских мальчишек. Игра заключалась в том, что играющие покачивают кулаками и произносят: «Эн-Ден-Цо», после чего одновременно показывают кулак, вытянутых два пальца или открытую ладонь. Водитель студебеккера объяснил мальчишкам, что эти фигуры символизируют камень, ножницы, бумагу. Камень выигрывает у ножниц, поскольку затупляет их, ножницы разрезают бумагу, а бумага выигрывает у камня обертывая его. Японские дети играли на камешки, а Юрка со Стасиком внесли в игру русский вариант «на щелбаны». Мальчишки познакомились, а потом и подружились еще на пароходе. Оказалось, что они одноклассники, да еще и родились в одном месяце. Как это часто случается, знакомство началось с крупной ссоры, причину которой через некоторое время они уже не могли вспомнить.

Всю дорогу лейтенант удивлял своих попутчиков знанием достопримечательностей острова. Видимо, после окончания училища, получив назначение, он не один час провел в библиотеке, изучая природу и географию Итурупа, и теперь ему не терпелось поделиться своими познаниями.

– Посмотрите направо, – тоном гида-любителя вещал молодой офицер, – чуть вдаль виднеется вулкан Хитокаппу, самый высокий из всех вулканов на острове, его высота 1631 метра, по левую сторону воды Тихого океана. А вы знаете,

что географы до сих пор спорят, откуда произошло название Итуруп? По самой распространенной версии оно восходит к слову «этороп», что в переводе с айнского означает «медуза», у японцев оно так и звучит Эторофу. Другие исследователи утверждают, что на языке айнов Итуруп обозначает «большой лосось», что мне как-то больше нравится.

До самого поселка Иририфуси, где, по словам лейтенанта, у японцев имелось производство йода из морских водорослей, дорога шла по берегу моря, потом повернула вглубь острова. Чем дальше грузовик удалялся на юг, тем богаче становилась растительность местности. Вперемешку с сахалинскими пихтами и аянской елью стали попадаться деревья широколиственной породы: дуб курчавый, клены, а также черемуха и дикая вишня. Некоторые стволы были обвиты деревянистыми лианами, всюду виднелись заросли низкорослого бамбука.

Наконец, переселенцы добрались до поселка под названием Комуикотан, конечной точки для семьи Скоробогатых и бравого лейтенанта. Пока выгружали вещи и провиант для столовой пограничников, Гордеев неторопливо окинул взглядом незнакомый ему населенный пункт. Несколько десятков жилых домиков образовали несколько коротких улиц, начинающихся от небольшой площади. В центре поселка картину дополняли полдюжины длинных одноэтажных барачков, над одним из которых был поднят красный флаг с серпом и молотом на полотнище. На входе стоял часо-

вой с винтовкой на плече, видимо, это была казарма пограничников. С окраины доносился звук, характерный при распиловке леса электрическими пилами. Кажется, все местное население собралось на площади, чтобы посмотреть на приехавших.

– Куничева! Граждане японцы, – поприветствовал всех лейтенант.

Те радостно закивали головами, сложив при этом руки ладонями вместе у груди. Гордееву уже было хорошо известен этот жест дружелюбия, и он тоже закивал в ответ, чем вызвал одобрительные возгласы собравшихся. Дети немного вздремнули в дороге и теперь, проснувшись, с любопытством крутили головами, осматривая незнакомую обстановку.

– Папа! Папа! Смотри, какая красивая гора, – закричал Стасик, рукой показывая вверх лесного массива, подступавшего почти вплотную к жилым домам.

– Это вулкан Атосанобори, что в переводе означает «противостоящая гора», – пояснил пограничник, – ну, а теперь всем саёнара, что по-японски до свидания, но, думаю, еще увидимся, а вам, Сергеевич, – он обратился к Гордееву – осталось доехать совсем недалеко.

Вулкан действительно завораживал своими правильными формами, его безукоризненный силуэт в виде правильного усеченного конуса четко вырисовывался на фоне безоблачного неба, вызывая возвышенные чувства и надежды на луч-

ше. Глубоко врезаясь в море, гора соединялась с островом лишь узким перешейком шириной около трех километров, который и нужно было преодолеть оставшимся пассажирам.

* * *

Поселок Утасуцу, или, на русский манер, Утасица, в котором предстояло жить и работать Гордеевым, был расположен

на берегу одноименного залива. От морских ветров его защищал песчаный бархан, густо поросший со стороны берега кустами шиповника, которые местами подбирались прямо к жилым домам. Во время цветения воздух наполнялся сладковато-пьянящим ароматом, смешанным с запахом морского прибоя.

Около сорока дворов растянулись вдоль побережья залива. У каждого жилого дома имелся небольшой огород. Дом, который предоставили Гордеевым под радиостанцию и жилье, по всей видимости, принадлежал не бедному человеку. На крыльце новых жильцов встречал темно-серый кот довольно крупных размеров. Все заулыбались, видя в этом хороший знак для переселенцев.

– What is his name? – показывая на кота, обратился Георгий к японцам, которых им прислали для разгрузки вещей и аппаратуры. В армии ему часто приходилось работать с союзниками, и он довольно неплохо знал английский.

– Нэко?¹⁵ – вопросительно пожал плечами пожилой японец, видимо, плохо понимая, о чем его спросил русский.

Заслышав речь, кот торопливо юркнул в щель между ступенями.

– Ну, Нико так Нико, – Гордееву некогда было заниматься котом, нужно было скорее разгрузиться. Водитель грузовика уже давно нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ему не терпелось дотемна вернуться в Комуикотан, где его ждал

¹⁵ ЗИП – запасные части, инструменты, приспособления.

земляк-однополчанин.

Разгрузив машину, японцы раскланялись и ушли по домам, студебеккер, пыхнув на прощание из выхлопной трубы, отправился обратно, а Гордеевы остались наконец одни и смогли познакомиться со своим жилищем.

Небольшое крыльцо в три ступеньки вело в прихожую, из которой одна дверь вела в довольно просторный зал, другая в крытый дворик, тут же имелся лаз на чердак. Из дворика с земляным полом можно было попасть в помещение с колодецем, а также в две небольшие кладовые. Жилые помещения состояли из зала и двух отдельных комнат, в той, что побольше, Георгий сразу решил разместить аппаратуру для радиостанции. Из зала шел длинный коридор, заканчивающийся уборной, из которого можно было попасть еще в два подсобных помещения. Одно, которое попросторнее, предназначалось для домашней живности, другое, судя по деревянному коробу, обмазанному изнутри глиняным раствором, который проходил через зал и еще одну комнату, служило, видимо, чем-то вроде мини-котельной для обогрева жилища. Правда, самого отопительного аппарата не было, скорее всего печь приглянулась кому-то раньше.

После осмотра супруги присели на небольшое возвышение в зале, покрытое соломенной циновкой.

– Вот, Наташа, это наша первая собственная квартира. Ты, конечно, мечтала не о таких «хоромах», – Гордеев обнял жену за плечи, которая тут же прильнула к его груди.

– Ну, что ты Жорка, я так рада, что наконец-то стану полноправной хозяйкой в этом прекрасном доме. Буду готовить твои любимые голубцы, гулять все вместе по берегу моря, ходить в лес, а вечерами, перед сном, ты будешь читать нам с сыном любимые книжки. Разве это не счастье?

Неизвестно откуда появившийся кот внимательно наблюдал за незнакомыми людьми, так бесцеремонно вторгшимися в его владения.

– Папа! Мама! Кошка! – восторженно воскликнул Стасик.

– А как его зовут?

– Будем звать его Нико, видимо, он остался от прежних хозяев. Собаки, как правило, верны своему хозяину, а кошки привыкают к жилищу, в котором они живут. Кис-кис-кис, – позвал кота Георгий.

Тот понял, что разговор идет о нем, неторопливо прошелся по комнате, потерся о ногу мальчишки и улегся у входной двери.

– Видишь, Стасик, он с тобой познакомился, – улыбнулась Наташа, – теперь вы с ним друзья.

В дверь неожиданно постучали, и вошла женщина. В одной руке у нее была миска с отваренным молодым картофелем, в другой дерматиновая сумка на молнии. От картофеля, обильно посыпанного свежим укропом, шел такой ароматный запах, что Гордеевы сразу поняли, как они проголодались.

– Добрый вечер, соседи, будем знакомиться, – в речи

небольшой худощавой женщины слышался явно выраженный украинский акцент, – меня зовут Мария, фамилия Слюсаренко, мой Федор здесь начальник, а дом наш напротив вашего, через дорогу.

Кот неодобрительно заурчал и лег у ног пришедшей, загораживая дорогу в комнату.

– Брысь, бисова душа, – женщина толкнула в бок животное, после чего тот ошетинился и с шипением отскочил в сторону, – ну, чистый зверюга, у нас его даже собаки побаиваются. Что, будем отмечать новоселье? Небось с самого Оннебецу маковой росинки во рту не было.

Наталья поднялась навстречу Марии и хотела помочь женщине, но та остановила ее.

– Сиди, сиди. Умаялась никак в дороге-то, я сейчас мигом, – и начала выставлять из сумки принесенные продукты. Вскоре на низеньком столе помимо картофеля появились соленые огурцы, красная икра и какие-то незнакомые Гордеевым яства.

– Это соленый лопух, это морской виноград, а это вяленый тунец, – охотно поясняла Мария, – у японцев все, что на суше и в море растет и плавает, идет в пищу, нужно только правильно приготовить, а в этом они большие мастера.

В завершении на столе появилась бутылка спирта.

– А тебе, красавица, – обратилась к Наталье женщина, – Федор сейчас принесет березовый сок. Он только что пришел с работы, да так провонялся тузлуком, что я его застави-

ла всю одежду поменять. Они сейчас какую-то новую технологию осваивают. Он же у меня до войны колхозом на Полтавщине руководил, а в рыбном деле ни бельмеса не понимает, – в голосе Марии слышались нотки гордости за своего мужа.

– А вот и мой Федя.

– Мир вашему дому, – с некоторым пафосом произнес вошедший. Обширная лысина, чуть обвислые щеки и круглый живот наводили на мысль, что их обладатель не привык отказывать себе в земных удовольствиях.

– Так вот как выглядят радиобоги. Будем знакомы: Федор Романович Слюсаренко, а это моя половина, – и мужчина похлопал по спине Марию, видно было, что эту шутку он говорил уже не первый раз.

– Так уж и боги, – смутился Георгий, в первые минуты он не знал, как вести себя с новым начальством, но Федор умел располагать к себе людей, и скоро они общались уже как старые добрые знакомые.

Ужин заканчивали далеко за полночь, при свечах, предусмотрительно принесенных Марией. Прощаясь, изрядно захмелевший Федор Романович переобнимался и перецеловался по нескольку раз со всеми, выражая уважение и самые теплые чувства к новым жильцам.

– Жорка! Завтра жду тебя в конторе, будем решать все вопросы. А вы, Гордеевна, не забудьте на крестины пригласить.

Когда гости ушли, Гордеев вопросительно посмотрел на

жену.

– О каких крестинах идет речь? Может, ты мне объяснишь?

Наталья сначала вся зарделась и потупила взгляд, потом резко подняла голову и посмотрела мужу в глаза.

– Какие же вы, мужики недогадливые. Да беременная я, четвертый месяц уже пошел, – в голосе ее послышались дерзкие нотки.

Шокированный неожиданной для него новостью, Георгий растерянно смотрел на супругу. «Какой же я болван», – ругнул он себя. Ему сразу вспомнились мелкие странности в поведении Натальи за последнее время: и частые отлучки на пароходе, и повышенная забота попутчиц, и другие мелочи, характеризующие женщину в таком положении.

– Наташка, родная, – он привлек жену к себе, – прости меня, чурбана безмозглого. Но почему ты еще во Владивостоке не сказала мне об этом?

– А ты тогда отказался бы от этого назначения, и мы никогда не увидели бы этот чудесный остров, – женщина прижалась к груди мужа, слушая, как бьется у него сердце. На бабушкиной перине, доставшейся Гордеевым в качестве приданого, посапывал во сне семилетний сынишка.

* * *

Все последующие дни у Георгия были насыщены обу-

стройством радиостанции. Федор Романович прислал на помощь небольшую бригаду японских рабочих, силами которых установили антенные мачты, произвели ревизию генератора автономного питания, проложили резервный кабель из моторного отделения в «рубку», так, на судовой манер, с первых же дней стали называть комнату, где расположилась аппаратура радиостанции. Изъясняться с рабочими первое время приходилось жестами, но уже через пару дней языкового барьера практически не ощущалось. Гордеев освоил пару десятков фраз на японском, рабочие, в свою очередь, преуспели в освоении русского языка. Труднее всего Георгию давались имена, поэтому он переименовывал их на русский лад. Иори у него был Борей, Ясуши – Яшей и т. д., исключение делалось только для самого старшего по имени Акира. К самому Георгию японцы обращались исключительно «Гордейсан». При настройке аппаратуры начальник радиостанции, так официально именовалась его должность, столкнулся со сложностью перевода инструкций по эксплуатации и обслуживанию оборудования. Знание Георгием английского языка было недостаточным, чтобы справиться со сложными техническими наименованиями и терминами. Часто приходилось действовать, как он говорил, «методом научного тыка». Когда подготовительные работы были выполнены, все собрались в рубке. Включив приемник, Гордеев стал поворачивать ручку настройки и неожиданно попал на волну одной из радиостанций Японии. Передача была музыкальной, и из

динамика полились звуки какой-то песни. Услышав родную речь и знакомую музыку, японцы напряглись и стали молча слушать. У некоторых в глазах появились слезы, больше всех расстроился Акира. Георгий подошел к нему и по-дружески обнял за плечи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.